УДК 329.17

Максим ХАРКЕВИЧ

Владислав МУЗАЛЕВСКИЙ

Пётр ОСКОЛКОВ

АРХАИКА И СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В ЕВРОПЕ

Аннотация. Современный правый популизм интерпретирован в статье как проявление процессов архаизации коммуникативной рациональности, которая является основой современного модерна. Авторы доказывают, что правопопулистские движения Европы используют разнообразные архаичные практики в своей политической борьбе, разрушая тем самым коммуникативный модерн. Для раскрытия специфики коммуникативной архаики анализируется история понятия “архаика”, выделяется две различные её интерпретации: метафизическая и коммуникативная. Первая построена вокруг понятия “архэ” и его трактовки в политической философии, вторая – на коммуникативной теории Ю. Хабермаса. Показано, что архаика имеет гораздо более широкую трактовку по сравнению с принятой в академическом сообществе. Авторы приходят к выводу, что коммуникативная архаика и правый популизм в Европе неразрывно связаны друг с другом.

Ключевые слова: архаика, модерн, правый популизм, Европа, политика постправды, коммуникативная рациональность.

В современном научном дискурсе архаика зачастую понимается исключительно как примордиальное состояние общества, то есть как противоположность нововременному модерну, основанному на инструментальной рациональности. Такое определение представляется ограниченным, так как, согласно Ю. Хабермасу, в основе модерна могут быть и другие типы рациональности, в частности коммуникативная рациональность. У рационализации (модернизации) каждого типа могут быть свои

© **Харкевич Максим Владимирович** – доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. **Адрес:** Москва, 119454, Проспект Вернадского, 76.
E-mail: kharkevich@mail.ru

Музалевский Владислав Алексеевич – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. **Адрес:** Москва, 119454, Проспект Вернадского, 76.
E-mail: gravemike44@hotmail.com

Осколков Пётр Викторович – аспирант кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России, преподаватель кафедры региональных проблем мировой политики ФМП МГУ, м.н.с. Института Европы РАН. **Адрес:** 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. **E-mail:** oskolkov.p.v@my.mgimo.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120185968>

откаты, процессы архаизации. При этом архаизация инструментальной рациональности будет отличаться от архаизации коммуникативной рациональности. Две мировые тотальные войны и массовое уничтожение мирного населения по этническому или классовому признаку является примерами архаизации инструментальной рациональности. Цель данной статьи заключается в обосновании тезиса о том, что современный правопопулистский поворот в мире и в Европе в частности является примером архаизации коммуникационной рациональности.

Чтобы выработать адекватное определение архаики относительно коммуникативного модерна, необходимо вернуться к истокам понятия “архаика” и проследить, как оно менялось с течением времени. Этому посвящена первая часть статьи. Во второй части мы рассматриваем специфику коммуникативной архаизации и в третьей части интерпретируем правый популизм в Европе как выражение этой архаизации.

Интеллектуальная история архаики

Архаика, или “архэ”, впервые появляется в трудах Аристотеля. Однако, несмотря на отсутствие прямых ссылок, многие специалисты считают, что “архэ” уходит корнями в милетскую школу греческой натурфилософии [Аристотель, 2006: 39]. Такие её представители, как Фалес, Анаксимандр и Анаксимен, интерпретировали “архэ” как некое абстрактное неизменное, однако стихийное и чрезмерно абстрактное досократиков была уточнена первоначально или первопринцип [Асмус, 1976: 10–12]. В этом значении данная категория просуществовала вплоть до Нового Времени.

Менее абстрактная формулировка “архэ” была дана уже Платоном и Аристотелем. Фундамент этого понятия как первоначала остался в онтологическом и гносеологическом плане. Линия по прочтению “архэ” как начала бытия или начала познания четко прослеживается в “Федре” и “Государстве” Платона и “Метафизике” Аристотеля. При этом если Платон определяет “архэ” как “нечто невозникшее”, а также как “беспредпосылочное начало”, в котором объединены принципы бытия и познания [Платон, 1989: 25], то Аристотель уже встраивает “архэ” в свою систему логики или, как он сам её называл, “аналитики”. В “Метафизике” он пишет об эпистемологических началах (“начала, исходя из которых доказывают”, “силлогистические”, “аподиктические”, “научные” начала), а также об онтологических началах (“начала сущности”) [Аристотель, 2006: 91]. С аналитикой Аристотеля связывает именно первая интерпретация “архэ”, поскольку, по его мнению, “начала познания” зачастую выступают как синонимы “исходных посылок”, “постулатов”, “аксиом”.

Квинтэссенцией подобного взгляда на архаику стала работа современного итальянского политического философа Джорджо Агамбена “Что такое повелевать?”. Занимаясь генеалогией, Агамбен приходит к выводу, что в “архэ” существует взаимосвязь первоначала (к примеру, археология) и начальства или власти, повеления (олигархия, архиепископ). В связи с этим утверждается зависимость начала и власти, начало есть повеление [Агамбен, 2013: 23]. Быть в начале какого-либо процесса означает обладание властью над этим процессом. С этой точки зрения, архаизация есть возвращение к началу, что предполагает и автоматическое возникновение власти или авторитета у акторов, способных доказать свою преемственную связь с первоначалом. Этим занимаются, например, фундаменталисты, которые стремятся вернуть современное общество к состоянию либо VII века н.э., если речь идёт о мусульманах, либо к I веку н.э., если речь идёт о христианах.

Коммуникативная интерпретация архаики

Тем не менее такая метафизическая интерпретация архаики не получила широкое распространение в научной литературе¹. Традиционно, как уже было отмечено выше, архаику и архаизацию понимают как противоположность инструментальной рационализации, то есть проекта Просвещения. В его основе находился культ рационального человека. Соответственно архаикой в отношении инструментальной рационализации было всё то, что ограничивало рациональность свободной личности. В частности, таким контрмодерном являлся романтизм.

Таблица 1.

Оппозиция модерн–архаика

Модерн (рационализм)	Архаика (романтизм)
разум	суеверие
система	свобода
прогресс	движение к истокам
космополитизм	национализм
“расколдовывание”	создание “новой мифологии”
целесообразность	естественность
всеобщность	индивидуализм
техносфера	природа

Чёткое противостояние рационализма и романтизма наметилось в конце XVIII – начале XIX вв., когда интеллектуально главенствовали идеи Просвещения, а разум был одной из ведущих категорий в философии. Уже тогда был сформирован и действовал один из главных постулатов рационализма – общезначимая и неизменная истина достигается через системное мышление, основанное на знании и структурировании фактов в зависимости от их целесообразности. Таким образом, к примеру, вела себя наполеоновская администрация, использовавшая рациональные принципы меритократии вместо сословных привилегий в управлении огромной Французской империей. В свою очередь, романтизм не был доминирующим философским учением, поскольку являлся скорее общекультурным феноменом, влияющим на все сферы духовной жизни человека. При этом многие сторонники романтизма отмечали, что он призван не повлиять на души и умы всех, к чему стремились рационалисты эпохи Просвещения, а расширить границы внутреннего мира человека, тем самым позволить раскрыться его индивидуальности.

Романтиков беспокоил детерминизм и сциентизм рационалистов, поскольку, по их мнению, это в значительной мере ограничивало человеческую свободу. Один из видных представителей романтизма Вакенродер, например, заявлял, что “лучше уж суеверие, чем системоведение” [Вакенродер, 1977: 58]. Здесь как раз и проявляется архаичность романтизма, который в отличие от рационализма, отрицавшего религию, предполагал, что различные иррациональные элементы культуры необходимы человеку для более гармоничного бытия. В этом свете абсолютно логичным видится обращение представителей романтизма к истокам – к древнегреческой античной философии и литературе, а также к некоторым средневековым и религиозным источникам. В этих первоначалах романтики пытались найти ту утраченную естест-

¹ Исключением является Ханна Арендт, с её точки зрения политический авторитет на Западе был функцией от связи с идейным и институциональным наследием Рима (см.: Арендт Х. Что такое авторитет? // Между прошлым и будущим. М.: 2014).

венность, которая была поглощена целесообразностью, а также выстроить “новую мифологию”. Ярким примером выстраивания подобной мифологии стало становление немецкой нации на рубеже XVIII–XIX вв. Такие видные представители романтизма, как Вильгельм Вакенродер и Фридрих Шеллинг, зачастую откровенно идеализировали некоторые черты прошлого как сословность, религиозность, чувство крови и почвы, на котором строился национализм, полагая, что они приносили четкий смысл в жизни людей. Данные идеи в значительной степени повлияли на целую плеяду таких философов-иррационалистов, как С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр и Ф. Ницше. В извращённой форме они стали частью нацистской идеологии, появление которой ознаменовало кризис инструментального модерна.

Таблица 2.

Оппозиция коммуникативный модерн – коммуникативная архаика

Коммуникативный модерн (<i>универсальный консенсус при идеальном коммуникативном действии</i>)	Коммуникативная архаика (<i>политика постправды</i>)
Презумпция правды	Отсутствие общепризнанного критерия правды
Общий жизненный мир	коммуникативные пузыри
Равные возможности	Усиление иерархии (политической, экономической, социальной, ценностной)
Стремление сделать послание рациональным	Стремление сделать послание эмоциональным

Сама смерть инструментального модерна как явления происходит в промежутке между мировыми войнами и фиксируется Франкфуртской школой критической теории. После Второй мировой войны появляется новая волна последователей критической школы, пытающаяся переосмыслить инструментальную рациональность классического модерна. В европейских интеллектуальных кругах становится популярным философское течение постмодернизма с его пренебрежительным отношением к плодам модерна, особенно к идеям эпохи Просвещения. В свою очередь, этому течению противостоит вышеупомянутая вторая волна Франкфуртской школы, где одним из ведущих фигур является Юрген Хабермас. Для Хабермаса было чрезвычайно важно возродить проект модерна, но уже на совершенно новом базисе разработанной им теории коммуникативного действия. По его мнению, соблюдение условий данного действия (презумпция правды, наличие общего жизненного мира и равных возможностей, а также стремление сделать коммуникацию рациональной) должно было помочь трансформировать классический модерн в иное состояние, основанное на коммуникативной рациональности [Хабермас, 1992: 46–47].

Постепенно в этом направлении стала двигаться и социально-политическая практика. Распад СССР и бум ИКТ, начавшийся с 1970-х гг., должны были в значительной степени поспособствовать выполнению условий идеального коммуникативного действия, необходимого для становления нового модерна.

Первое условие идеального коммуникативного действия подразумевает наличие полного доверия между субъектами. Второе, третье и четвёртое условия не могут быть выполнены без наличия первого, поскольку без доверия субъекты не способны создать друг для друга не только равные возможности, но и жизненный мир в целом.

Архаикой для нового модерна, таким образом, является все то, что препятствует идеальному коммуникативному акту, то есть рациональной коммуникации.

С отрицания факта как универсальной истины и начинается политика постправды, а следовательно, и коммуникативная архаика. Способствовала этому и обстановка в мировой политике, в которой реализация условий идеального коммуникативного действия стала если не невозможной, то весьма проблематичной.

Социальные сети создали благоприятную среду для гомофилии (механизм образования связей по принципу близости индивидуальных черт) [Креховец, Польшин, 2015: 51]. Она же становится причиной создания множества коммуникативных и информационных “пузырей”, поскольку индивид получает возможность общаться с теми, чьи взгляды ему нравятся. Так, создаются “расовые пузыри” в социальных сетях.

Различные проявления предрассудков в социальной и политической жизни становятся обычным делом. Стороны стремятся навесить друг на друга эмоциональные ярлыки (трампизм = фашизм, CNN = fakenews и т.д.), используя не менее эмоционально окрашенные лозунги (Make America Great Again, He Will Not Divide Us и т.д.) для привлечения большего числа сторонников.

Особенно ярко коммуникативная архаика проявляется в так называемом правом популизме, представителем которого является Д. Трамп и который распространился не только в США, но и в Европе.

Европейский правый популизм в контексте архаизации

Правый популизм можно рассматривать как комбинацию политической стратегии и идеологии, подразумевающую сочетание вертикальной (“простой народ” против “элиты”) и горизонтальной (“свой” против “чужих”) линий раздела [Grabow, Hartleb, 2013: 18]. Американский политолог К. Мюдде считает, что правый популизм характеризуется сочетанием популизма как такового (то есть идеи прямого и максимально эффективного обращения к народу, представления его интересов) с нативизмом и авторитаризмом. Нативизм характеризуется как понимание необходимости национальной гомогенности и наличия “несвоих” элементов, этой гомогенности угрожающих, сочетая, таким образом, позитивный национализм и ксенофобию; авторитаризм предполагает предпочтение жёстко управляемого общества [Mudde, 2010: 1173–1175].

Одной из ключевых характеристик коммуникативной архаики является культ недоверия, при котором подразумевается, что все говорят неправду, и задача избирателя – найти “наименьшую” неправду, наиболее приближенную к правде. По наблюдению Я. Ягерса и С. Валgrave, популизм сводит демократию к её ядру – народному суверенитету, народной воле, не ограниченной никакими сдержками и противовесами [Jagers, Walgrave, 2007: 337]. По мнению популистов, опосредованная демократия предоставляет неограниченные возможности для всевозможных искажений, открытой лжи, фальшивых новостей. Создавая атмосферу недоверия, в которой “лгут все”, популисты прибегают к “политике постправды” (термин Д. Робертса), при которой их собственные заявления принимаются на веру, не потому что они более истинны, чем заявления “элит”, а потому что они в большей степени соответствуют личным убеждениям и эмоциям целевой аудитории.

Больше возможностей для “политики постправды” предоставляет прямая демократия, поэтому популисты, как правило, выступают именно за такую форму на-

родного волеизъявления [Тэвдой-Бурмули, 2005: 96]. Прямая демократия поляризует общество (убрав нивелирующий институт непрямого волеизъявления), что часто служит триггером открытых проявлений ксенофобии и способствует популярности радикалов как правых, так и левых. Герт Вилдерс, перейдя к “национал-популистской” стадии идеологического развития, выступал за прямые выборы мэров и судей [Vossen, 2011: 185-186]. Люксембургская альтернативная демократическая партия реформ также выступает за большую роль прямой демократии в принятии политических решений в странах Европейского Союза [Besch, Lessing, 2016: 13]. Филип Девинтер, один из лидеров “Фламандского интереса”, утверждает: “Прямая демократия и обязующие референдумы исправят недостатки парламентской квазидемократии” [Dewinter, 2010]. В проекте польской конституции, предложенном партией “Право и справедливость” в 2010 г., предложено расширить возможности применения прямой демократии в Польше “за счёт форм, успешно применяющихся в остальном мире” [Podolak, 2015: 179].

При этом культ недоверия приходит на смену общей картине мира, которая смогла возникнуть в новом модерне. Социально-экономические и политические потрясения привели к разрушению этого достаточно хрупкого феномена, который так и не стал “концом истории”; при этом возникшие и вновь обозначившиеся со всей остротой “разрывы” (кливажи) представляют собой как раз то, на чём строят свой дискурс и успех популисты. Согласно Э. Лакло, популизм возникает там, где есть структурное противоречие в дискурсе между требованиями масс и неспособностью властных институтов эти требования удовлетворить; в этой “щели” и зарождается дискурс право- и левопопулистских движений и партий [Laclau, 2007: 87].

На сайте нидерландской Партии свободы запрос *leugen* (“ложь”) выдал 50 результатов. Первые из них: обращение лидера партии Вилдерса к председателю нижней палаты Генеральных штатов (“Это всё ложь, председатель, это всё ложь”); интервью Вилдерса одному из центральных телеканалов под заголовком “Я сыграю финальную партию против лжецов”; предвыборная программа партии “План Вилдерса для Нидерландов” (“Четыре года назад Марк Рютте выиграл выборы (...) с помощью лжи и обмана”). Аналогичный запрос на сайте бельгийской партии “Фламандский интерес” выдаёт около 36 результатов, среди которых: речь депутата Барбары Пас “Где правит политкорректность, ложь празднует победу” и статья про социалистического политика И. Мейера “После промахов и лжи Мейеру стоило бы уйти в отставку с поста бургомистра”. По запросу *mensonges* сайт французского Национального фронта нашёл 95 статей: “Бесконечная ложь Э. Макрона”, “Ответ на ложь М. Мартинеса”, “25 лет Маастрихтскому договору: 25 лет лжи и иллюзий” и другие. Став одной из правящих партий, правые популисты, как правило, не отказываются от данного дискурсивного инструмента: к примеру, пресс-секретарь польской партии “Право и справедливость” Беата Мазурек заявила, что “ложь и запугивание поляков – способ функционирования оппозиции в Сейме” [*Chcemy i będziemy...*, 2017]. Как мы можем заметить, правопопулистские партии охотно обвиняют во лжи политических оппонентов, взамен предлагая “поддержать единственную оппозиционную партию” (Национальный фронт), сделать “Нидерланды снова нашими” (Партия свободы) и вернуть “будущее в свои руки” (Фламандский интерес).

Для коммуникативной архаики важно создание “коммуникативных пузырей” вместо идеальной общей площадки для коммуникации. Правый популизм успешно создаёт подобные пузыри, конструируя партийный дискурс через партийные страницы и группы в социальных сетях, через партийную прессу и литературу, перио-

дические партийные собрания и совместные акции. В этом отношении очевидна преемственность дискурса, по крайней мере, части правопопулистских партий и идей европейских, и особенно французских, “Новых правых”, выдвинувших лозунг “правого грамшизма”, политики, которая должна обеспечить культурное и дискурсивное доминирование правых идей [Тэвдой-Бурмули, 2005: 91]. В списке “друзей” на Фейсбуке среднестатистического активиста правопопулистской партии будут преобладать партийные товарищи и “сочувствующие”, а также те друзья, коллеги и знакомые “из реальной жизни”, с кем отсутствуют принципиальные разногласия в понимании политических процессов. Устраняя из своей “зоны комфорта” идеологических противников, каждый отдельный представитель правопопулистского дискурса вносит свой вклад в формирование правопопулистского “коммуникативного пузыря”. При этом в случае отхода от “линии партии” или общей идеологии применяются “расфренды” в виртуальном поле и остракизм в реальности. Примером являются бывшие члены “Фламандского интереса”, в количестве более 50 человек перешедшие в более демократичную и респектабельную партию “Новый фламандский альянс” [VB'ers bij de N-VA..., 2012], а также политик Хейро Бринкман, со скандалом покинувший Партию свободы после безрезультатных призывов к её демократизации.

Ещё одна характеристика коммуникативной архаики – коммуникативное неравенство. В представлении популистов нация должна быть растворена в государстве¹, должна слиться с ним в едином порыве [Еремина, Середенко, 2016: 51]; она гомогенна, обладает общей единой волей, выражаемой правыми популистами, не знает этнокультурного и какого бы то ни было разделения. Народ-*populus*, от лица которого выступают правые популисты, являет собой этнически, религиозно и социально гомогенный конструкт. Конструируя идеальный народ, популисты следуют стратегии негативной идентичности – указывают на те группы, которые к этому идеальному народу не относятся и подрывают единство, от которых идеальный народ необходимо защищать (этим в том числе подчёркивается “оборонительный” характер европейского популизма [Паин, Федюнин, 2017: 238]). Эксклюзивизм становится одним из ключевых признаков новой архаики; при этом разрушается одна из основополагающих предпосылок “идеального коммуникативного действия” – равенство его участников. По словам лидера нидерландских правых популистов Герта Вилдерса, “обычные нидерландцы вынуждены тяжёлым трудом зарабатывать деньги, и они хотят, чтобы их дети росли в нидерландских Нидерландах” [Reactie Geert Wilders..., 2009]; “мы выбираем Хенка и Ингрид... Хенк и Ингрид платят за Али и Фатиму” [Wilders, 2010]. Молодёжное крыло Эстонской консервативной народной партии “Синее пробуждение” ранее размещало на агитационных материалах лозунг “За Эстонию [для] эстонцев” (*Eestlaste Eesti eest*)². Таким образом, существенная часть участников дискурса ставится в заведомо неравное положение с его продуцентами, “Хенк и Ингрид”, “Яак и Кадри”, как считается, имеют гораздо больше прав на репрезентацию, чем “Али и Фатима”, “Иван и Ольга”.

¹ Здесь надо иметь в виду, что современные правые и левые популисты, как правило, отличаются от радикальных и экстремистских движений тем, что их деятельность не направлена на подрыв существующего государственного порядка.

² После разгоревшихся публичных дебатов было принято решение убрать слова “для эстонцев”; таким образом, лозунг трансформировался в “За Эстонию” (*Eesti eest*).

Для большинства правопопулистских партий и движений характерно также стремление к архаике в конструировании “идеального общества”, “золотого века”, к которому должно вернуться. При этом модели палингенезиса различны, так как обусловлены различной политической культурой. В Нидерландах это классическая “регентская республика”, во Фландрии и Люксембурге – традиционное католическое общество. В странах, переживших смену политических режимов после Второй мировой войны (в основном это касается стран ЦВЕ и Балтии), идеальным является интербеллум – режим санации в Польше, межвоенная Чехословакия, Эстония при Константине Пятсе, Литва при Антанасе Смятоне и Латвия в годы диктатуры Улманиса. В любом случае это классические национальные государства, в которых царит уже упомянутая гомогенность, изначальное национальное “архэ”.

Одним из проявлений архаики в дискурсе правопопулистских партий является идеализация национального государства и, таким образом, антиглобализм (в измерении ЕС – евроскептицизм). Стремление к расширению роли национальных государств логичным образом вступает в противоречие с глобализацией. В последней видится прямая угроза национальным интересам, при этом в большинстве европейских стран персонификацией “врага” становится Европейский Союз, “рука Брюсселя”. Швейцарский учёный У. Альтерматт утверждает, что “популизм и евроскепсис представляют собой две стороны одного и того же феномена” [Альтерматт, 2000: 232]. К примеру, в программе бельгийской партии “Фламандский интерес” мы читаем: “Фламандский интерес, как народная партия фламандцев, с гордостью заявляет о себе как о еврокритической и евроскептической партии” [Vlaams Sociaal-Economisch Belang, 2012: 139]. Эстонская консервативная народная партия (EKRE) в своей программе обвиняет Европейский Союз в превращении Эстонии в своего “вассала”; в программе EKRE мы читаем: “Членство в ЕС и наличие единой валюты не должно ограничивать суверенитет Эстонии и препятствовать её развитию” [EKRE konservatiivne programm, 2015]. Даже в такой ориентированной на всестороннюю интеграцию стране, как Люксембург, стоявший у истоков формирования Европейских сообществ, правопопулистская Альтернативная демократическая партия реформ успешно использует евроскептическую риторику.

Заключение

Для правопопулистских партий Европы характерен дискурс постправды (обвинения оппонентов во лжи, провозглашение себя единственной оппозиционной силой, выступления в пользу прямой демократии), создание “коммуникативных пузырей”, гомогенность которых поддерживается достаточно жёстко, открыто постулируемое коммуникативное неравенство, основанное на политике выстраивания негативной идентичности (“мы не они”, при этом “они” в популистском идеале не имеют права голоса в решении судеб народа), идеи палингенезиса и “золотого века”, к которому необходимо вернуться, при этом отринув интеграционные проекты как угрожающие культурно-этнической целостности доминирующей группы. Полученные авторами результаты позволяют убедиться, что правый популизм является одним из наиболее показательных примеров политической архаизации коммуникативной рациональности в современной Европе. Таким образом, диалектическое сопоставление правого популизма и политической архаизации может позволить понять природу данных явлений и открывает возможности для анализа функционирования политических акторов в условиях новой архаики.

Представляется, что коммуникативная архаика непреодолима без глобальных потрясений, которые проткнут образовавшиеся “пузыри”, либо без физической победы одного “пузыря” над остальными. Договориться они вряд ли смогут. Культ недоверия и риторика “лжи противников и нашей правды” слишком укрепились в политическом дискурсе постмодерна. К тому же им фактически нет альтернативы, так как усилия отдельных акторов будут сведены на нет сторонним восприятием их как части общего тренда, а коллективное преодоление пост-правды, повторимся, возможно только в результате глобального потрясения. Коммуникативные пузыри, в сущности, не будучи новым явлением, получили подкрепление в виде цифровой формализации, что лишь упрочило их положение. Коммуникативное неравенство возможно преодолеть путём ускоренной инклюзии всех прежде исключённых из дискурса (или недооценённых им) акторов, а это в действительности возможно только в случае крупного катаклизма, в результате которого прежние коммуникативные ограничители потеряют свою значимость. Помимо глобального потрясения (не столь существенно, какого генеза) путей преодоления современной коммуникативной архаики не существует. Таким образом, необходимо изучать данное явление и учиться действовать внутри него – нам с ним жить ещё долго.

Список литературы

- Агамбен, Дж. (2013), Что такое повелевать, GRUNDRISSE, Москва, 72 с.
 Альтерматт, У. (2000), Этнонационализм в Европе, РГГУ, Москва, 368 с.
 Аристотель (2006), Метафизика, Институт философии, теологии и истории св. Фомы, Москва, 232 с.
 Асмус, В. (1976), Античная философия, Высшая школа, Москва, 544 с.
 Вакенродер, В. (1977), Фантазии об искусстве, Искусство, Москва, 263 с.
 Еремина, Н., & Середенко, С. (2016), Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств, Алетейя, Санкт-Петербург, 302 с.
 Креховец, Е., & Польдин, О. (2015), “Факторы формирования дружеских связей студентов”, Прикладная эконометрика, 40(4), с. 49–63.
 Паин, Э., & Федюнин С. (2017), Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием, Мысль, Москва, 266 с.
 Платон (1989), Федр, Прогресс, Москва, 133 с.
 Тэвдой-Бурмули, А. (2005), “Правый радикализм в Европе”, Современная Европа, 4 (24), с. 86–98.
 Хабермас, Ю. (1992), “Модерн – незавершённый проект”, Вопросы философии, 4, с. 40–53.

References

- Agamben, Dzh. (2013), Chto takoye povelevat, GRUNDRISSE, Moskva, 72 pp.
 Altermatt, U. (2000), Etnonatsionalizm v Evrope, RGGU, Moskva, 368 pp.
 Aristotel (2006), Metafizika, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, Moskva, 232 pp.
 Asmus, V. (1976), Antichnaya filosofiya, Vysshaya shkola, Moskva, 544 pp.
 Besch, N., & Lessing, G. (2016), “Europhile by Nature: The Case of the Small Grand Duchy of Luxembourg”, Euroscepticism in Small EU Member States, Latvian Institute of International Affairs, Riga, pp. 11–29.
 “Chcemy i będziemy konsekwentnie służyć Polakom” (2017), available at: <http://pis.org.pl/aktualnosci/chcemy-i-będziemy-konsekwentnie-sluzyc-polakom> (date of access: 26.01.2018)
 Dewinter, F. (2010), “Vlaams Belang wil Vlaamse bindende referenda naar Zwitsers model”, available at: <https://www.vlaamsbelang.org/vlaams-belang-wil-vlaamse-bindende-referenda-naar-zwitsers-model> (date of access: 26.01.2018)
 EKRE konservatiivne programm (2015), available at: <https://ekre.ee/wp-content/uploads/2015/07/EKRE-PROGRAMM-KONSERVATIIVNE-PROGRAMM.pdf> (date of access: 26.01.2018)
 Eremina, N., & Seredenko, S. (2016), Pravyy radikalizm v partiyno-politicheskikh sistemakh sovremennykh evropeyskikh gosudarstv, Aleteyya, Sankt-Peterburg, 302 pp.
 Grabow, K., & Hartleb, F. (2013), “Mapping Present-Day Right-Wing Populists”, Exposing the Demagogues: Right-Wing and National Populist Parties in Europe, Wilfried Martens Fonds, Brussels, pp. 13–44.

- Jagers, J. and Walgrave, S. (2007), "Populism as political communication style: An empirical study of political parties' discourse in Belgium", *European Journal of Political Research*, 46(3), pp. 319–345.
- Khabermas, Yu. (1992), "Modern – nezavershennyi proyekt", *Voprosy filosofii*, 4, pp. 40–53.
- Krekhovets, E., & Poldin, O. (2015). "Faktory formirovaniya družeskikh svyazey studentov", *Prikladnaya ekonometrika*, 40(4), pp. 49–63.
- Laclau, E. (2007), *On Populist Reason*, Verso, London, 276 p.
- Mudde, C. (2010), "The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy", *West European Politics*, 33, pp. 1167–1186. DOI: 10.1080/01402382.2010.508901
- Pain, E., & Fedyunin, S. (2017), *Natsiya i demokratiya. Perspektivy upravleniya kulturnym raznoobraziyem, Mysl'*, Moskva, 266 pp.
- Platon (1989), *Fedr*, Progress, Moskva, 133 pp.
- Podolak, M. (2015), "Demokracja bezpośrednia w myśli politycznej współczesnych polskich partii politycznych", *Humanities and Social Sciences*, Vol. 20, 22, pp. 175–192.
- "Reactie Geert Wilders op uitslag verkiezingen" (2009), available at: <https://pvv.nl/7-nieuws/nieuws/2028-reactie-geert-wilders-op-uitslag-verkiezingen.html> (date of access: 26.01.2018)
- Tevdoy-Burmuli, A. (2005), "Pravyy radikalizm v Evrope", *Sovremennaya Evropa*, 4 (24), pp. 86–98.
- Vakenroder, V. (1977), *Fantazii ob iskusstve, Iskustvo*, Moskva, 263 pp.
- "VB'ers bij de N-VA: de vijftigste gevonden" (2012), available at: <http://aff.skynetblogs.be/archive/2012/08/01/vb-ers-bij-de-n-va-de-vijftigste-gevonden.html> (date of access: 26.01.2018)
- Vlaams Sociaal-Economisch Belang (2012), *Vlaams Belang Studiedienst*, Brussel, 156 p.
- Vossen, K. (2011), "Classifying Wilders: The Ideological Development of Geert Wilders and His Party for Freedom", *Politics*, Vol. 31, No. 3, pp. 179–189. DOI: 10.1111/j.1467-9256.2011.01417.x
- Wilders, G. (2010), "PVV presenteert kandidaten", available at: <https://www.pvv.nl/index.php/component/content/article/12-spreekteksten/2856-speech-geert-wilders-pvv-presenteert-kandidaten> (date of access: 26.01.2018)

Archaism and the Contemporary Right-Wing Populism in Europe

Authors: Kharkevich M., Associate Professor, Department of World Political Processes, MGIMO University. **Address:** 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** kharkevich@mail.ru

Muzalevskiy V., Department of World Political Processes, MGIMO University. **Address:** 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** gravemike44@hotmail.com

Oskolkov P., Department of Integration Processes, MGIMO University; lecturer, Department of Regional Aspects of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, Institute of Europe RAS. **Address:** 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** osolkov.p.v@my.mgimo.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the correlation of archaism and contemporary right-wing populism in Europe. The authors argue that Europe's right-wing populist movements use a variety of archaic practices in their political struggle. The intellectual history of the concept of "archaism" is analyzed. The authors focus their attention on two different interpretations of the archaism – metaphysical and communicative. The first is built around the concept of "arche" and its interpretation in political philosophy, the second is concentrated within the communicative theory of Habermas. The emphasis is placed on the fact that the archaism has a much broader interpretation than accepted in the academic community. The authors propose to comprehend the primordality of the archaism in terms of its opposition to modernity. They believe that replacing the instrumental rationality with communicative one allows to derive a modern type of archaism, which manifests itself in the practices of contemporary right-wing populism. The authors come to the conclusion that archaism and right-wing populism in Europe are inextricably intertwined with the post-truth politics and its accompanying elements.

Keywords: archaism, modern, right-wing populism, Europe, post-truth policy, communicative rationality.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120185968>